

Юре было девять лет, но он мало что понимал про себя. Разве что носил внутри чужие, брошенные в него фразы, осторожно, слово в слово. И потому он знал, что противным нравом пошёл в отца, хотя ни разу его не видел. А ещё то, что в садике писался во время тихого часа, а мама с воспитательницей его за это ругали. А он от обиды плакал. Знал ещё, что глупее других детей и что шутки у него несмешные. И достаточно было этих скудных штрихов, чтобы мнение о себе Юра имел весьма жалкое.

Из того малого, что он понимал про себя, было его очарование Катей. Оно возникло не вчера, но Юра, сидя на уроке математики, только-только поймал его, когда солнечный луч, игравший бликами с Катиной партой и рукой, невольно увлёк его взгляд. Её пушистые волосы, почему-то не в хвосте как обычно, а распущенные, лежали на спине, а сквозь их путаницу едва мелькала кофта нежно розового цвета. И своё чувство Юра скрывал, как скрывал и всё другое, что мучило или волновало его.

Жили Юра с мамой в трёхэтажном панельном доме, на самой окраине крошечного города, где через дорогу уже начиналась деревня. В этой деревне у них было огорожено четыре сотки земли под грядки и железный сарай с курами и недавно купленной коровой, – без избы, без сторожки. Мама называла её второй работой, и Юру туда брала редко – чтобы не мешал. И вечера он проводил на улице с другом Артуром или в одиночестве на скамейке у подъезда. Ему разрешали играть и на детской площадке во дворе, но без Артура он не шёл – дичился незнакомых ребят.

И в этот майский день Юра сидел на скамейке и наблюдал закат. Иной раз ему было приятнее находиться здесь, в тишине, одному, чем общаться с кем-либо. К тому же вечернее небо притягивало его, словно пытаясь шепнуть что-то важное. И его яркие, нежные волны подсказывали Катину имя. Они – закат и Катя – были одного рода-племени и берегли одну тайну на двоих. Её розовая кофточка была сшита из лоскутков заката, а солнце родилось из её волос. Вместе они были далёкими-далёкими и прекрасными-прекрасными. И ему никогда запросто не дотронуться было ни до Кати, ни до заката.

– Юрка, домой иди! – прокричала мама из окна. И Юра пошёл.

Мама встретила его на пороге.

– Завтра корову загонишь, я не смогу. Я работницу заменяю, – сказала она как обычно сурово. – Слышишь?

Она была в том же, в чём утром вышла на работу: в шершавой длинной юбке и тёплой кофте болотного цвета. В это время года она два раза за день бывала на даче: в шесть утра доила и выгоняла корову, а в семь вечера забирала её у пастуха и доила повторно. Одевшись утром перед дачей, она в той же одежде шла на работу. А вернувшись с завода, надевала тапки и принималась готовить обед. К вечеру – снова на дачу, с дачи – на точку продавать молоко. И лишь перед сном переодевалась.

Юра слышал, но не понимал, что конкретно ему нужно будет сделать. Он смотрел на мамину короткую стрижку, будто мальчишескую, но отросшую, с жидкими волосами. Особенно из-за этой стрижки он стыдился её. И из-за молока, которое она продавала в изношенных пластмассовых бутылках по вечерам около центрального магазина. И ещё потому, что на школьных праздниках она стеснялась учительницу и чужих стройных мам с тонкими браслетами на руках, и от того болтала без умолку и ещё громче смеялась. А дома, с Юрой, снова становилась прежней – важной и молчаливой.

Утром мама зашла в Юрину комнату и, положив большой ключ от сарая на стол, напомнила, что в семь вечера на пустыре у дачи будет ждать стадо. Юра, разлепляя глаза и понимая, что больше возможности не будет, всё же осмелился спросить напоследок:

– А как загонять-то?

– Как-как? – удивилась мама. – Что, не видел, как я два месяца корову загоняла что ли?

Юра не раз видел, как мама загоняла корову, но в деле не участвовал, да и не интересовался им, а только ошивался поблизости.

– Видел, – сказал Юра, опустив взгляд.

– И что тебе непонятно?

– Всё понятно.

– Ничего, взрослый уже, с собаками грязными не боишься вошкаться, а с коровой и подавно справишься, она сама за тобой пойдёт.

После школы Юра с Артуром пошли на пруд, забежав по дороге к Юре домой за стеклянной банкой для тритонов. Юра надеялся, что друг согласится пойти с ним и на дачу, но Артур сказал, что бабушка просила вернуться пораньше. Юра понимал, что это неправда, но не решался об этом думать.

Тритонов к Артуру домой приносить было нельзя, и сразу от пруда Юра с банкой направился к пустырю. Он

спросил у прохожего время, тот ответил «полседьмого». И хмуρο стало на душе, что успеваает, что, позабыв о времени, не загуляли с Артуром случайно допоздна. Нарочно не исполнить поручение Юра не мог, а случайно забыть о нём ему бы хотелось.

На пустыре уже стояло небольшое стадо, коров десять, и сновали повсюду мошки. Коровы походили на динозавров: сильных, древних и непредсказуемых. Они не смотрели на Юру, но ему казалось, сделай он лишний шаг – побегут на него и потопчут, будто в танце. Он поставил банку на траву, огляделся – пастуха не было видно. Его бросило в пот – никто ему теперь не поможет. Даже если найдёт Звёздочку, то не сможет отвести её в сарай. Не может быть, чтобы динозавр слушался мальчика. Как не может быть, чтобы его, Юрина, мать слышала его.

Но даже найти её было невозможно: все коровы кроме одной, бурой, походили друг на друга и на саму Звёздочку, как он её сам смог запомнить. Все – белые с чёрными пятнами. Правда, знал Юра, что у их коровы на лбу треугольное пятно было. Но коровы все лбами к нему не поворачивались, а подходить и обглядывать каждую – было страшно. Чтобы сделать хоть что-то для поиска, он кругом обошёл стадо. И, удача! – на противоположной стороне, с краю, стоит корова с пятном. Правда, пятно не совсем и треугольное.

«Звёздочка», – позвал он вполголоса, смотря прямо в глаза. И, удерживая на ней взгляд, словно зовя за собой, отошёл на три шага, ожидая, что та пойдёт вслед. Корова не двигалась, только судорожно вздрагивали её бока, и метался хвост влево-вправо. Юра стоял, ожидая непонятно чего. Вдруг взгляд его ухватился за мелькнувшее в центре стада пятно – там, наклонив голову к земле, стояла ещё одна Звёздочка. Слышно было, как от натуги трава под её толстыми губами разрывалась и потом вымешивалась крупными челюстями. Подойти к ней означало обречь себя

на смерть от первобытного танца природы. Юра замер, растворившись в мягких звуках деревенской тиши. Он всерьёз выбирал между смертью и маминым недовольством. Через пару минут он решил идти домой.

Было около восьми, когда послышались движения ключа в замочной скважине. Юра притих в своей комнате. Дверь открылась, на пол поставили пакет с продуктами.

– Юркаа, ты дома?

– Да, – сказал Юра негромко и, поняв, что мама не услышала, протянул: – Туут.

– Корову загнал? – спросила мама, зайдя в комнату.

– Да, – старался он смотреть ей прямо в глаза.

– Молодец. Я тебе апельсинов купила. Сейчас картошку пожарю и пойду доить.

Юра и боялся, что она ещё спросит: «Не забыл ли закрыть сарай?» или «Не потоптала ли корова цветы у калитки?», – и хотел этого всей своей трепещущей душой. Тогда неизбежное наказание придёт сейчас, и его не нужно будет ждать, как дикого зверя из леса, чьи шаги уже слышны. Но мама больше ничего не спросила. Она закрыла за собой дверь и пошла на кухню. Юра прислушивался к тому, как шипело и трескалось масло на сковородке, и этот привычный ласковый звук сейчас утяжелял его тоску.

Он покинул комнату, только когда все звуки затихли. На кухне, в тарелке для супа, лежали четыре дольки апельсина. Юра вздохнул. Он ощущал себя самозванцем, который заполучил сладость, принадлежащую другому, правильному мальчику. И эта сладость не радовала. Съест дольку и шепчет: «Господи, хоть бы корова не ушла никуда с пустыря, а ещё лучше – подошла к сараю, тогда точно ругать не будут».

Но всё же он готовился к наказанию – память сама подкидывала ему сцены.

«Врёшь, паразит?» – сказал он сам себе тихо, повторяя знакомую фразу. Юра втянул голову в плечи, пред-

ставляя, как в очередной раз получит поварёшкой по голове.

«Весь в отца!» – будто вслед отозвалось где-то рядом маминым голосом.

А в прошлой четверти, когда Юра исправил двойку по математике в дневнике на четвёрку, мама сказала: «Отдам тебя отцу, чтобы он сам свою подлую породу выращивал». Юра обрадовался тогда. Вообразил, как незнакомый ему ещё папа будет играть с ним в футбол и покупать мороженое. Может, именно сегодня мама соберёт его вещи, и папа впервые приедет за ним.

Вскоре Юру захватила игра с апельсиновыми шкурками-лодками, плывущими по столу через моря к отцу, как захватывает сон плачущего ребёнка. И когда заскрежетала замочная скважина, он еле успел перебежать в свою комнату незамеченным. Мама поставила ведро с молоком на пол, разулась, снова взялась за скрипящую ручку ведра, зашла на кухню. Звуки прекратились.

Юра раскрыл перед собой учебник русского языка и сел, весь превратившись в слух. Шорохи, стуки, голоса рождались в его голове, как призраки в тёмной комнате.

Так прошло около получаса. Юра бесшумно вышел в туалет. Действительно, в квартире стояла полная тишина. На кухню он направился уже уверенный, что мамы дома нет, и вздрогнул, увидев её прямо перед собой, сидящей на табуретке. Правый локоть лежал на столе, глаза закрыты ладонью. Будто статуя.

– Ну что, погонял меня по деревне? – сказала она, вытягивая каждое слово, и медленно подняла козырьком ладонь. Глаза её были измученные. Корова не пришла к сараю, а по старой памяти направилась к своей прежней хозяйке, бабе Маше, у которой была куплена несколько месяцев назад.

Юрины губы улыбались. Он старался их сдерживать, но они вновь расплывались как у полоумного. В ответ на его улыбку мамы глаза щелкнули злостью. Она вста-

ла, подошла к раковине, включила воду и принялась мыть посуду, не глядя на Юру. Он уже не улыбался. Он дрожал. Мама повернулась к шкафу с посудой, и взгляд её голубых глаз проскользнул по сыну так же, как по рядом стоящей плите. Она расставила тарелки и вышла из кухни.

Он знал, что поступил плохо. Особенно эти купленные мамой апельсины никак не могли выйти у него из головы. Как будто из-за них он был прежде всего виноват. Но хуже было то, что даже на утро мама с ним так и не заговорила. Не заговорила и днём, хотя у неё был выходной. И не нарушая молчания, вечером ушла на точку продавать молоко. Оставшись один на один с маминым домом, таким же враждебным, как и она, Юра затосковал. Дом молча выгонял его, и он послушался его. Но дальше скамейки не ушёл. И только там он вспомнил про оставленных тритонов на пустыре – теперь их точно собаки съели. Хоть и не корова, но всё-таки что-то пропало, утерялось.

По тротуару тем временем проходили женщина с девочкой.

– Кать, смотри, это Юра что ли? – женщина в белых брюках дотронулась до плеча девочки и вопросительно посмотрела на Юру.

Юра на минуту подумал, что они пришли к нему в гости.

– Привет, – сказала ему Катя.

– Ты чего здесь так поздно один сидишь? Не замерзнешь? – не дав ему в ответ поздороваться, спросила Катина мама.

– Неет, я тут, около дома, – показал Юра рукой на свой балкон.

– А, ну хорошо тогда. Доча, поделись конфетами с Юрой, – сказала она, бросив взгляд на пакет в Катиной руке.

Катина мама смотрела на Юрины литые шлепанцы, надетые поверх носков, ворот футболки, вытянутый треугольником и спортивные мягкие брючки с катышками по

бокам. Она предугадывала по его глазам, что достаточно двух тёплых слов, и этот детёныш, не раздумывая, схватит крепко-крепко твои пальцы и, быстро-быстро перебирая ножками, пойдёт с тобой.

Этого всего Юра не знал о себе. Он разглядывал конфеты, которые насыпала ему Катя по маминой просьбе: мишки на деревьях, белка с орехом в лапках и другие, ему ещё незнакомые обёртки. И только сейчас он понял, что это Катина мама берегла с небом одну тайну на двоих, а после просто поделилась ею с дочерью. Юра сидел, почти не двигаясь, – закатное небо спустилось к нему и укутало его в своих объятиях. Катя с мамой превратились в две маленькие отдаляющиеся фигурки.